

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе Собрания сочинений я объединил под одной обложкой три книги о революции 1917 года и Гражданской войне в России. Первая часть тома представлена книгой «Революция 1917 года в России: проблемы, особенности, оценки», которая была написана в 1975—1977 гг. к 60-летию этой революции. Она была опубликована в 1978 году в Италии, а на следующий год в США, Франции, Германии и Японии. В 1985 году эта же книга вышла вторым изданием в США — без изменений в тексте, но с большим новым предисловием. В Советском Союзе и в новой России эта книга не публиковалась. Только один из разделов книги — «Трудная весна 1918 года» был опубликован как брошюра в Воронеже в 1990 году.

Вторая часть — книга «Русская революция: победа и поражение большевиков» была написана в 1997 году — к 80-летию Октябрьской революции. Она была опубликована в том же году в Москве, а на следующий год в Японии. Обе этих книги имели характер популярных очерков и были рассчитаны на широкий круг читателей.

В третью часть — вошли главы из книги «Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова». Это исследование трагических событий на Дону, основанное на анализе архивных материалов, которое я предпринял в 1972—1973 гг. совместно с участником Гражданской войны С. П. Стариковым. Первое издание этой книги было осуществлено в Нью-Йорке на английском языке под заголовком «Филипп Миронов и Гражданская война в России». В Советском Союзе книга вышла в свет в 1989 году.

В настоящем издании эти книги публикуются с минимальной авторской правкой. Лишь в ряде случаев я счел нужным сделать некоторые сокращения, однако в других случаях текст дополнен новыми материалами и документами.

Москва. 22 апреля 2012 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ, ОСОБЕННОСТИ, ОЦЕНКИ**

Предисловие ко второму американскому изданию

Я с удовлетворением узнал о желании издательства Колумбийского университета вторично опубликовать мою книгу об Октябрьской революции в России в более доступной для читателя форме. Книга издается без изменений, если не считать замену твердого переплета мягким. Автору предоставлено, однако, право написать к новому изданию его книги новое предисловие.

Я работал над этой книгой в 1975—1977 гг., и она была издана в США и некоторых других странах в 1978—1979 годах. Для советского историка события 1917 года остаются всегда актуальными, и я продолжал после выхода в свет моей книги немало размышлять об уроках и последствиях Октябрьской революции, пополняя свою память чтением новых книг и статей. Только в Советском Союзе за последние шесть лет вышло в свет более ста книг и еще больше статей о событиях Русской революции 1917 года и Гражданской войны в России. Хотя эти книги мало что меняют в официальной советской доктрине, они вводят в научный оборот немало фактов и документов, ранее неизвестных широкому кругу советских историков.

Немало книг о Февральской и Октябрьской революциях в России было издано в последние пять-шесть лет западными историками и советологами. Важный вклад в изучение революционных событий в России внесла в эти же годы советская и русская эмиграция. Недавно начал публикацию своих «узлов» из серии «Красное колесо» А. Солженицын. Важным представляется и другое начинание Солженицына — издание им исследований и мемуаров в сериях «Исследований новейшей русской истории» и «Всероссийской мемуарной библиотеки».

Естественно, что при наличии столь значительного количества новых источников я мог бы расширить и дополнить каждый из разделов своей книги о революции. Однако у меня не возникло оснований менять что-либо в ее главных положениях и выводах.

В своей книге я не ставил задачей подробно изложить историю революции и Гражданской войны в России. Я попытался проанализировать лишь немногие из проблем, связанных с революционными событиями 1917—1922 гг., которые казались мне особенно важными для понимания последующего развития Советского Союза. Одной из таких проблем является вопрос о соотношении случайности

и необходимости в течении и исходе важнейших событий Русской революции 1917 года.

Нетрудно убедиться, что на протяжении нескольких десятилетий советская историческая наука рассматривала события 1917 года и всю историю последующего развития Советской России с позиций примитивного детерминизма. Так, например, полемизируя с некоторыми западными «буржуазными» историками, А. Е. Кунина писала: «Социалистическая революция для России *была единственным выходом* из сложившегося узла империалистических противоречий. В результате резкого обострения классовых и национальных противоречий российский империализм оказался наиболее слабым звеном в цепи мирового империализма». (Выделено А. Куниной.) По мнению Куниной, и Февральская и Октябрьская революции 1917 года были событиями, которые уже нельзя было предотвратить¹.

Нельзя не отметить, что подобные утверждения все чаще оспариваются в советской историко-политической литературе. «В истории нет фатального действия объективной необходимости, — писал, например, видный теоретик Ю. А. Красин. — В любой конкретной исторической ситуации люди имеют свободу выбора. Перед ними раскрывается как бы веер возможностей. И никто, кроме них самих, не определяет, на какую из них ставить ставку. Выбор делается под влиянием множества условий и факторов, среди которых есть и случайные, не поддающиеся учету заранее. Поэтому нет и не может быть однолинейной детерминированности событий, не допускающей разнообразных отклонений, попятных движений»².

Нетрудно заметить, что в мемуарной литературе, принадлежащей перу эмигрантов, редко встречаются утверждения о неизбежности революции и победы большевиков. Здесь преобладает поиск разного рода утраченных возможностей. При этом большинство мемуаристов удивляются легкости, с которой Февральская революция одержала победу над самодержавием, а затем и большевики взяли верх над Временным правительством. Совсем недавно один из свидетелей событий 1917 года М. Карпович писал, обвиняя царя и правительство в пренебрежении требованиями думской оппозиции — создать в России министерство общественного доверия. В этих требованиях, утверждает Карпович, «не было ничего революционного, и всякая сколь-нибудь разумная власть

ухватилась бы за этот последний шанс — хотя бы для собственного спасения. Русская же власть того времени оставалась глуха ко всем предостережениям даже тогда, когда они шли от Государственного совета, от Совета объединенного дворянства, от великих князей. За последние до революции месяцы о ее неизбежности часто говорили. Но когда она пришла, она всех застала неподготовленными: и население, и правительство, и политические партии. В той быстроте, с которой она произошла, и в той легкости, с какой она одержала победу, было нечто фантастическое. Достаточно было нескольких дней уличных беспорядков в Петрограде и отказа солдат Петроградского гарнизона эти беспорядки подавить, чтобы режим прекратил свое существование. Трудно даже говорить о его низвержении — он просто распался от первого же толчка. Никаких настоящих попыток к самозащите с его стороны не было — оказалось, что ему не на кого было опереться...»³

Александр Солженицын полагает, что царь мог бы опереться на миллионный корпус присягнувшего ему русского офицерства. Но это иллюзия. Хотя состав офицерства и изменился за годы мировой войны, в нем продолжало доминировать дворянство, явно желавшее сохранить монархию. Но что могли сделать офицеры и генералы без поддержки солдат, уже выходящих из подчинения? В отдельных случаях дело доходило до убийства солдатами и матросами своих офицеров. В моем архиве имеется небольшое письмо, отправленное 12 марта 1917 года из Кронштадта солдатом Анатолием своему другу Сергею. Вот его текст:

«Здравствуй, Сережа! Сережа, письмо твое я получил восьмого числа, и на которое спешу ответить. Сережа, я пока жив и здоров. Сережа, у нас в Кронштадте двадцать восьмого числа в десять часов вечера поднялось все войско и ходило всю ночь по городу с музыкой; а утром стали забирать все начальство, которые на судах и в домах, и сажать их и в тюрьмы, и в карцеры, но которое начальство было не особенно хорошее, тех тут же убивали. Первым делом утром подошли к дому главного командира тыла Балтийского моря, сняли посты у его дверей, ворвались в его дом, вытащили оттуда командира и притащили его на площадь. Там его убили, и остальных почти также всех перебили, осталось офицеров очень мало, и то они сейчас сидят в тюрьме. Наши матросы приходили в тюрьму за остальными офицерами и хотели остальных перебить, но уже временный комитет

приказал, чтобы из тюрьмы офицеров не выдавали военным; убитых офицеров насчитывается около ста человек.

Сереза, был я недавно в Петрограде, там тоже устанавливаются уже порядки. Заводы начали тоже работать, только одно плохо, что угля в Петрограде почти совсем нету, а потому и заводы не все работают, а только те, где делают снаряды. Сереза, в действующий флот, по всей вероятности, нас не будут списывать. Сереза, напиши, как у вас там дело насчет нового правительства и много ли у вас на шахте работает народу. Сереза, если будут пускать на шахте работать, то я постараюсь опять попасть на шахту. Сереза, еще напиши, что у вас на шахте не ворачивали рабочих из действующей армии за неимением рабочих на шахте. Сереза, написал бы еще кое-что, да некогда. Сереза, письма пиши по старому адресу. Затем прощай. Анатолий»⁴.

Думаю, что комментарии к этому письму излишни. Конечно, не везде с офицерами поступали так жестоко, как на флоте, но и в Петроградском гарнизоне они оказались изолированными и деморализованными, и уж во всяком случае не они могли защитить и спасти российское самодержавие. Частично офицеры смогли сплотиться против большевиков только в начале Гражданской войны — в Добровольческой армии, созданной Л. Корниловым, М. Алексеевым и А. Деникиным.

Я попытался доказать в своей книге, что ни Февральская, ни Октябрьская революции не были преждевременными, что «горючего материала» для этих революций в России в 1917 году было более чем достаточно. Сходные тезисы защищал и американский историк и советолог Роберт В. Дэниэлс в своей содержательной статье «Что произошло с Русской революцией?». Он, в частности, писал: «Со времени 1917 года принято объяснять недостатки и разочаровывающие стороны Русской революции указанием на то, что эта революция была преждевременной и поспешной в условиях той страны, в которой она произошла... Но если Октябрьское восстание было действительно преждевременной пролетарской революцией, тогда сам факт, что она могла произойти в России, при условиях, преобладающих в этой стране, немедленно ставит под сомнение тезис Маркса о том, что революция может иметь место только после того, когда старое общество полностью разовьется и истощит возможности своего развития. Однако более широкий взгляд на великие революции в истории, такие, например, как Английская

и Французская, свидетельствует, что Россия не была одинокой в своей преждевременности. Революции, как правило, не возникают после полного созревания данной социальной системы и уж, несомненно, не возникают после полного развития капитализма. Марксистское предположение на этот счет является не только ошибочным для русского случая, оно является ошибочным вообще. Революция, как это было повсеместно отмечено, является естественным спутником процесса модернизации, однако она происходит обычно не в конце процесса, а в начале его средней стадии, то есть в период наиболее быстрых перемен и накопления величайшей напряженности между изменяющимся обществом и жесткими рамками устаревших учреждений»⁵.

Роберт В. Дэниэлс, безусловно, прав, когда он утверждает, что революция 1917 года в России была столь же естественным результатом развития социально-политических отношений в стране, как это было в Англии и Франции в XVII и XVIII веках. Естественным и закономерным было развитие в XX веке таких революций, какие произошли в Китае, во Вьетнаме, на Кубе. Вероятность социалистической революции на ближайшие 15—20 лет очень велика во многих странах Латинской Америки, но практически равна нулю в США или в Канаде. Маркс был неточен в своих предположениях, ожиданиях и концепциях.

В середине XIX века Маркс и Энгельс вообще отвергали возможность победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Они думали о революции, которая должна была охватить все главные капиталистические страны Европы. Маркс и Энгельс не могли даже предполагать, что экономическая система капитализма окажется в состоянии достигнуть таких уровней развития, как это произошло во второй половине XX века. Социализм, вышедший на международную арену после Октября, не смог и через 70 лет догнать по экономическому уровню ведущие страны капитализма.

Успехи мировой капиталистической системы, которая во многих отношениях все еще опережает параллельно развивающуюся мировую социалистическую систему и, в частности Советский Союз, отнюдь не доказывают ни вечности капитализма, ни невозможности новых социалистических революций — в том числе и в развитых капиталистических странах. Эти революции могут прийти в наш мир и без вооруженных восстаний и гражданских войн. Если XX век внес так много неожиданных поправок в наши

представления о социализме и капитализме, то почему нельзя предположить, что и XXI век будет также богат неожиданностями, которые сегодня просто трудно представить.

Конечно же, ни Февральская, ни Октябрьская революции не были преждевременными, особенно в своих первых и главных революционных преобразованиях. Для Февральской революции это было свержение самодержавия и утверждение демократии; для Октябрьской революции — перемирие на фронтах мировой войны, передача помещичьих, удельных и церковных земель в распоряжение крестьянских Советов и комитетов, введение рабочего контроля и национализация крупных монополий, крупнейших предприятий и банков, отделение церкви от государства, установление 8-часового рабочего дня, уничтожение сословий и Декларация о полном национальном равноправии народов России. Однако многие из мероприятий советской власти, предпринятых весной 1918 года, были явно преждевременными, они были забеганием вперед и с этой точки зрения были ошибочными. Так, например, были явно ошибочными такие мероприятия, как национализация не только крупных, но также мелких и средних предприятий, полное запрещение частной торговли в стране, попытка введения прямого продуктообмена между городом и деревней, принудительное изъятие всех излишков зерна и других продуктов у крестьян. Именно для проведения такой политики были созданы многочисленные продовольственные отряды (продотряды) из рабочих и комитеты крестьянской бедноты (комбеды), наделенные чрезвычайными полномочиями. Явно неразумными мероприятиями были разделы и раздробление всех без исключения крупных аграрных хозяйств, включая и высокорентабельные капиталистические хозяйства. Очевидным разрушением производительных сил деревни стал и разгром и раздел относительно рентабельных крупных крестьянских (кулацких) хозяйств. Эти мероприятия оттолкнули от большевиков не только крупное крестьянство, но и значительную часть среднего, а также ремесленников и даже часть пролетариата. Оказался невозможным какой-либо компромисс между большевиками и другими социалистическими и мелкобуржуазными партиями России. Большевики оказались в изоляции, и это ослабило советскую власть и открыло дорогу для консолидации буржуазно-помещичьей контрреволюции. Констатация этих фактов

и доказательство этих тезисов составляют главную, по моему замыслу, часть настоящей книги.

Нелишне отметить, что и сегодня большая часть советских исследователей пытается доказать, что политика продразверстки, комбедов и продотрядов, то есть всего того, что получило позднее название «военного коммунизма», была не причиной, а следствием гражданской войны. Так, например, советский автор И. Чельшев, полемизируя с западными историками, пытается просто отрицать тот факт, что широкие массы мелкой буржуазии разочаровались весной и летом 1918 года в большевиках из-за проводимой ими политики военного коммунизма. В подтверждение своих рассуждений И. Чельшев ссылается на слова Ленина о том, что военный коммунизм был политикой, вынужденной войной и разорением России, что он не отвечал глубоким хозяйственным задачам и интересам пролетариата⁶. Эти слова Ленина были полупризнанием ошибок большевиков, и он имеет в виду последствия не Гражданской, а мировой войны. Последствия Гражданской войны в 1921 году были еще более тяжелыми, но именно в это время большевики приняли решение об отказе от политики военного коммунизма.

Более точно оценивает значение и мотивы политики военного коммунизма другой советский автор Е. А. Амбарцумов. Он считает более плодотворным трактовать политику военного коммунизма не как результат Гражданской войны, а как закономерный результат внутренней логики революции, ее максималистской и романтической традиции. Военный коммунизм естественно продолжал основные направления «красногвардейской атаки на капитал». Такое забегание вперед с последующим отступлением мы могли видеть позднее и в развитии других революций, например, в Китае и на Кубе. Еще Энгельс писал, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить и закрепить. Но это позволяет революции прочно закрепить менее значительные преобразования. «Левизна», таким образом, оказывается почти неизбежной «детской болезнью» всякого революционного движения, особенно прошедшего этап вооруженной борьбы. Но эта «детская болезнь» может привести к тяжелым осложнениям, если ее не распознать вовремя и запустить⁷. Большевикам пришлось преодолеть свои ошибки весны и лета 1918 года, но только весной и летом 1921 года.

Анализируя разного рода примеры забегаания вперед, Энгельс считает это особенностью лишь буржуазных революций, которые развиваются стихийно. Этого не будет, по мнению Энгельса, при пролетарских социалистических революциях, которые будут происходить под руководством дисциплинированной и хорошо организованной партии⁸. Однако большевики в данном случае не оправдали ожиданий Энгельса, и они также не удержались от забегаания вперед и от попыток решить задачи, время решения которых еще не наступило. Что удалось большевикам, благодаря главным образом Ленину, — это принять трудное решение об отступлении, не потеряв при этом ни власть, ни собственные головы. О таком исходе забегаания вперед также предупреждал Энгельс⁹.

В связи со сказанным выше возникает вопрос и о периодизации истории революционной борьбы в России. В советской историографии период Гражданской войны датируется обычно 1918—1920 годами. Что касается событий 1921 года, то уже события первых месяцев этого года излагаются в разделе «Начало мирного социалистического строительства». Затем идет раздел «Переход к НЭПу»¹⁰. Не оспаривая того очевидного факта, что именно с весны 1921 года в Советской России начался переход к НЭПу, нельзя согласиться и с утверждением, что Гражданская война кончилась у нас в стране сразу же после разгрома войск генерала Врангеля в Крыму в ноябре 1920 года.

Уже осенью 1920 года в Советской России начали возникать новые крупные очаги гражданской войны, опасность которых для власти большевиков была порой не меньшей, чем от «походов Антанты». Так, например, на большой территории Центральной России с центром в Тамбовской губернии еще в августе 1920 года началось большое крестьянское восстание, получившее название «антоновщины» — по имени возглавившего это восстание эсера Александра Антонова. Восстание шло под лозунгами «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», и в отрядах восставших крестьян было около 20 тысяч человек. Это восстание удалось подавить, только бросив против него отборные части Красной армии в 40 тысяч штыков и сабель. Применялось даже химическое оружие. Крестьянским по своей основе было и движение, возглавляемое Нестором Махно и охватившее крупные районы Юго-Восточной Украины. Не рассматривая здесь всей сложной истории этого движения, отметим только, что

основная борьба между отрядами Махно и частями Красной армии происходила уже после разгрома войск генерала Врангеля в Крыму. В военных действиях против Махно принимала участие не только Первая, но и Вторая конная армия. Только в августе 1921 года последний отряд Махно, прорвав окружение, ушел через Днестр в Румынию. Менее крупные, но многочисленные восстания происходили в это же время на Дону и Северном Кавказе, в Поволжье и Сибири, а также в Средней Азии.

К этой же волне военных мятежей и крестьянских восстаний следует отнести и знаменитый Кронштадтский мятеж, который вспыхнул в марте 1921 года и охватил большую часть гарнизона Кронштадта и экипажи многих кораблей Балтийского флота. И здесь главными лозунгами были: «Свобода торговли», «Перевыборы Советов», «Советы без коммунистов», «Свободная деятельность левых социалистических партий» и др. На стороне восставших было около 30 тысяч матросов и солдат, два линкора, более ста пулеметов и 140 орудий береговой обороны. Как известно, для подавления восстания была восстановлена 7-я армия численностью в 45 тысяч человек, которая штурмом овладела крепостью Кронштадт. Решения X съезда РКП(б) о переходе к новой экономической политике, о замене продразверстки продналогом, о постепенном расширении свободной торговли и т. п. далеко не сразу остановили эти разрозненные, но массовые восстания и мятежи. Во-первых, о решениях съезда российская деревня узнавала далеко не сразу. Во-вторых, во многих отдаленных районах страны и, в частности, в Сибири взимание продразверстки продолжалось до осени 1921 года. Таким образом, 1921 год был переходным — это был первый год новой экономической политики и последний год Гражданской войны.

Моя книга о революции была издана в 1978—1979 гг. не только в США, но также в Мексике, в некоторых странах Европы и в Японии. Она вызвала много откликов и рецензий, в которых содержались как положительные оценки, так и различные замечания. Хотя я получил в Москве лишь небольшую часть из опубликованных рецензий, общий характер замечаний, как я могу предположить, был одинаков во всех публикациях.

Часть рецензентов выражала сожаление, что они не нашли в книге каких-либо новых и сенсационных документов и материалов, неизвестных ранее специалистам по истории Русской революции 1917 года. Я не могу согласиться с этими

упреками, так как я не ставил перед собой таких задач. Авторское название книги было: «Революция 1917 года в России: проблемы, особенности и оценки». Мне кажется, что содержание книги в основном отвечает этому скромному названию. Многие рецензенты бросали автору упрек в том, что он не развенчивает в своей книге В. И. Ленина, что он остается «убежденным ленинцем» и продолжает, несмотря на отдельные критические замечания, оценивать Ленина как великого революционера, изменившего своей борьбой судьбу России и всего мира. Я не могу согласиться и с этими замечаниями. Я не считаю, что мне подходит определение «убежденного ленинца» и предпочитаю говорить о себе как о независимом социалисте. В своей книге я пишу о том, что отвечает моим убеждениям и моему пониманию событий 1917—1918 гг. Я совершенно не согласен с теми оценками Ленина, в которых он изображается как человек, думающий прежде всего о личной власти, о господстве над Россией и чуть ли не над всем миром, как человек, преследующий какие-то свои эгоистические цели. Хотя я мог бы сегодня сказать многое об ошибках и просчетах Ленина как политика, о его жестоких распоряжениях и его участии в красном терроре и т. п., но из всех известных мне фактов я вынес убеждение о том, что для Ленина проблемы его личной власти занимали третьюстепенное, если не десятистепенное место. Ленин был, безусловно, человеком одержимым до фанатизма, но он отнюдь не был одержим какими-то личными честолюбивыми или тщеславными замыслами; он был человеком по-своему глубоко идейным и стремился к осуществлению социалистического идеала, как он его понимал. Он считал капиталистическое общество глубоко несправедливым и боролся за его уничтожение. Он немало преуспел в этом даже в крайне трудных условиях. Вопрос о том, что получилось в конечном счете в нашей стране после победы революции и победы в Гражданской войне и в какой степени современный «развитый», «реальный» социализм или «начальная ступень зрелого социализма» соответствуют тем идеалам, которые пытался осуществить Ленин, — это особый вопрос, далеко выходящий за рамки моей книги. Народы Советского Союза прошли после 1917 года через очень большие испытания, но это обстоятельство не опровергает наличия у российских социал-демократов начала XX века, и в том числе у Ленина, самых благородных помыслов и самых благих намерений.

Я не хотел даже ставить в своей книге вопрос о роли пресловутых «немецких денег» в подготовке Октябрьской революции. Этих денег не было у большевиков. Оппонентам большевиков не удалось представить в защиту своих обвинений ни одного убедительного документа. В том, что касается средств на революционную деятельность, Ленин и большевики никогда не были особенно щепетильны. Еще во времена революции 1905—1907 гг. Ленин санкционировал ограбление банков и денежных фургонов — «на нужды революции». С согласия Ленина большевики организовали изготовление фальшивых купюр. Большевики принимали деньги отдельных купцов и капиталистов, которые по каким-либо личным причинам готовы были помогать левым партиям. Поэтому при определенных условиях и гарантиях Ленин мог бы согласиться и на получение «немецких денег» — на поддержку русской, а затем и германской революции. О такой помощи шли разговоры в недрах германского генерального штаба, но реальных миллионов немецких золотых марок никто большевикам не выделял, а была лишь очень скромная помощь от немецких социал-демократов. На этот счет имеются убедительные исследования американских и немецких историков, а также французского историка и политика Бориса Суварина¹¹.

Ленинизм в целом несет немалую долю ответственности и за все то, что произошло в Советском Союзе и за его пределами уже после смерти Ленина. Однако я уверен, что если бы Ленин прожил бы еще хотя бы только 10 или 15 лет, то судьба нашей страны и партии сложилась бы совсем иначе. Работая над этой книгой, я мысленно переносился в эпоху 1917—1918 гг. и невольно задавал себе вопрос: если бы я жил в эти годы и был уже способен на сознательный выбор, то в рядах какой партии я бы тогда оказался? Я не могу не признаться себе, что, скорее всего, я бы стоял на стороне большевиков. Но даже такой крайне консервативный политический деятель Италии, как Индро Монтанелли, откровенный антикоммунист и владелец консервативной газеты «Иль Джорнале Нуово» писал в 1982 году: «Русский пожар был ошеломителен, он породил так много, он оставил неизгладимые следы. И потом этот взрыв 1917—1918 года. Не знаю, если бы мне было 20 лет в 1917 году, наверное, и я устремился бы в Москву, как Джон Рид и многие другие, и, вероятно, кончил бы плохо, но поехал бы, — то, что открывала эта революция, было огромно, надежды были велики, безмерны. Я понимаю, почему мир был восхищен»¹².

Было бы ошибочным утверждать, что именно первоначальные и лучшие идеалы Октябрьской революции были осуществлены в Советском Союзе в последующие 60 лет. Но было бы также неверным утверждать, что все вообще идеалы и цели этой революции были в последующие десятилетия преданы и забыты. И в социальной, и в культурной, и в экономической жизни Советского Союза произошли огромные изменения, дорогу которым открыла именно Октябрьская революция. Есть много оснований утверждать, что без Октябрьской революции, то есть без победы большевиков, Россия просто бы распалась на несколько частей и перестала бы существовать как единое многонациональное государство, подобно Австро-Венгрии или Османской империи. Для кого-то такой вариант кажется даже наилучшим.

Некоторые из рецензентов упрекали меня в том, что я писал свою книгу о революции с марксистских и социалистических позиций, что, даже критикуя большевиков, я не выхожу за рамки концепций, которые годятся сегодня «только для детского сада»¹³.

Я никогда не скрывал своей приверженности к социалистическим идеям, и я не могу согласиться со столь уничижительными оценками как социалистической мысли XIX, так и социалистических идей XX века. Конечно, мне известны самые различные концепции Октябрьской революции — от меньшевистско-эсеровских до либеральных и монархических. Но рассмотрение всех этих концепций не входило в задачу автора да и было ему не под силу. Всякая великая революция является столь многогранным и богатым оттенками событием, что невозможно в одной работе, а тем более одному автору объяснить или даже просто обозреть всю картину этой революции, ее причины и последствия.

Должен сказать, однако, что рассмотрение событий 1917 года с марксистских и социалистических позиций имеет особое значение. Марксизм претендует на объяснение событий всей человеческой истории. Но в данном случае речь идет о революции, которая проводилась при участии самих марксистов и в соответствии с теми идеями, которые лежали в основе их учения. Поэтому анализ как хода, так и исхода революции 1917 года позволяет понять не только достоинства, но и недостатки самих марксистских концепций общественного развития. Для меня именно эта задача была главной, хотя я готов признать несовершенство проделанной работы. Важно было хотя бы поставить такую задачу. Тем не

менее надо отметить, что уже один тот факт, что при всех своих ошибках большевики в годы революции и Гражданской войны одержали победу над своими многочисленными противниками, доказывает, что их концепции были все же далеко не столь примитивными, как это представляется автору из «Обсервера». Глубоко ошибаются те, кто считает, что идеология не играет значительной роли в существовании и в политике СССР, что она лишь прикрытие для каких-то иных задач и целей. Также ошибаются те, кто решительно отрицает способность советского общества к обновлению и гуманизации, исходя из заложенных в нем самом внутренних возможностей.

Я высказывал в своей книге убеждение в том, что в конечном счете именно советские историки смогут выполнить главную работу по изложению и анализу революционных событий 1917—1922 гг. в России. Эта точка зрения также вызвала возражения у ряда рецензентов. Подобного рода сомнения можно понять. Хотя о нашей стране проводится много исследований, предметом которых являются события 1917—1922 годов, уровень этих исследований остается все еще очень низким. В советской исторической науке продолжает действовать еще множество различных табу, бессмысленных ограничений и запретов. И сегодня, например, советские историки не могут объективно оценивать революционную деятельность таких людей, как Л. Троцкий или Н. Бухарин, Л. Каменев и Г. Зиновьев, И. Смирнов или С. Мрачковский, а также десятков других виднейших деятелей революции и участников Гражданской войны, которые в 1920-е примыкали к левой или правой оппозиции и погибли в тридцатые годы, став жертвой сталинского террора 1930-х годов. Эти люди до сих пор не реабилитированы, и на позитивную оценку их деятельности в советской исторической науке наложен запрет. Советские историки до сих пор не имеют возможности объективно оценивать и изучать деятельность таких левых социалистических партий, как эсеры и меньшевики, без чего трудно понять как ход, так и исход событий 1917 года. И сегодня советские историки не имеют возможности критически оценивать некоторые из высказываний и оценок Ленина, которые были основаны на неточной информации или ошибочных представлениях. Показательна в этом отношении оценка Лениным событий июльского кризиса 1917 года.

Как известно, после разгрома июльской демонстрации власти отдали приказ об аресте Ленина, Троцкого и Зиновьева. Была разгромлена редакция газеты «Правда», Ленин перешел на нелегальное положение и расценивал происходящие события как контрреволюционный буржуазный переворот, как конец двоевластия. Однако реальное развитие событий было гораздо более сложным, и, с точки зрения правых буржуазных партий и генеральских кругов, июльский кризис в целом был сдвигом не вправо, а влево. Именно в июле 1917 года главой Временного правительства стал эсер Керенский. В новом составе правительства буржуазные партии были потеснены. Деятельность большевистской партии не была запрещена, и она провела в конце июля — начале августа свой VI съезд. Под другим названием стала выходить и газета «Правда». К концу июля и в августе позиции большевиков в Советах укрепились, особенно в Петрограде и Москве и прежде всего в районных Советах. Еще 3—5 июля в Петроград был введен Сводный отряд 5-й армии для поддержки Временного правительства. Однако фактическое командование этим отрядом осуществлял комитет во главе с поручиком Г. П. Мазуренко, который считал себя меньшевиком. Именно этот поворот общего хода событий влево и усиление позиций меньшевиков и эсеров в составе власти привели к попытке захвата власти генералом Л. Корниловым. В планы заправил этого Корниловского мятежа входили полный разгром Советов и отстранение от власти эсера А. Керенского. Общий итог июльско-августовских событий в Петрограде и Москве — это мощный сдвиг влево, который и вывел большевиков на подступы к Октябрьской революции.

Ленин также не сумел ни во время революции, ни в последующие годы Гражданской войны правильно оценить настроения, значение и возможности такого массового и важного в нашей стране сословия, как казачество. Почти все большевики смотрели на казачество и казачьи районы как на потенциальную Вандею, и они не сумели хотя бы нейтрализовать казачество, а это было возможно при более разумной политике. Однако в официальной исторической науке критика высказываний или деятельности Ленина пока еще невозможна. Таковую критику можно встретить лишь в том случае, когда она опирается на самокритику Ленина, к которой он прибегал, как известно, весьма во многих случаях.

Можно надеяться, что в будущем положение исторической науки в Советском Союзе изменится к лучшему, и новое поколение советских историков будет избавлено от той невыносимой и мелочной опеки и от того давления, которые вынуждают их к умолчанию или даже к прямым фальсификациям. Не вполне свободны от разнообразных форм идеологического давления и западные историки-советологи. Большая часть советских архивов для них также закрыта, как и для нас. Однако западные историки могут использовать многочисленные эмигрантские источники, которые для нас, советских историков, по большей части все еще недоступны. Работая над книгой о Гражданской войне на Дону, я имел возможность лишний раз убедиться, что большая часть материалов и документов, относящихся к истории революции и Гражданской войны, находится в архивах, но они все еще не введены в научный оборот. Когда-нибудь это положение изменится.

Моя книга выходит в свет за границей, хотя она рассчитана главным образом на отечественного читателя. Рукопись этой книги прочитали некоторые из моих друзей, и я постарался учесть их замечания и пожелания.

БЫЛА ЛИ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НЕОТВРАТИМЫМ СОБЫТИЕМ?

1. РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РОЛЬ ЛИЧНОСТИ

Одно из утверждений, наиболее часто повторяемых западными историками, состоит в том, что в отличие от Февральской революции Октябрьская социалистическая революция в России не была закономерным результатом происходивших в нашей стране социальных, экономических и политических процессов. Тем более нельзя считать эту революцию закономерным результатом событий, происходивших в начале XX века в Европе и во всем мире. Эта революция стала результатом непредвиденного стечения обстоятельств, умело использованных Лениным и большевиками. Английский советолог Д. Лейн писал, например, в одной из своих книг: «Большевистская революция не была неизбежным событием <...> После отречения царя возник политический вакуум, который и заполнили большевики»¹⁴.

Американский историк и советолог Р. Дэниэлс также утверждал в одной из своих статей: «С любой разумной точки зрения большевистская революция была отчаянной игрой с весьма небольшими шансами на успех и с еще меньшими шансами, чтобы продержаться какое-то время. Слепая случайность поставила Ленина у власти, и она же позволила ему удержаться у власти после победы в трудные дни. Именно стечение непредвиденных обстоятельств обусловило отход России от привычного курса современных революций и проложило дорогу для того уникального явления, каким стал коммунизм XX века. <...> Октябрьская революция победила вопреки какому-либо рациональному расчету, но лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств, на которые никто не мог рассчитывать. Возникновение и сохранение большевистского режима в этот ранний период — почти что историческое чудо»¹⁵.

В одной из своих статей Дж. Биллингтон свидетельствовал: «Некоторые из западных историков продолжают рассматривать Октябрьскую революцию как случайное вмешательство разрушительной стихии и не видят в ней никакого глубокого смысла, а на ее последствия смотрят со смешанным чувством растерянности

и бессильного гнева, с каким обычно встречают вмешательство бессмысленных стихий в человеческие дела»¹⁶.

Этим утверждениям нередко противостоят прямо противоположные утверждения о неизбежности и неотвратимости свершения и победы Октябрьской революции. «Если даже и можно говорить, — писал бывший коминтерновец И. Бергер, — что Ленин и окружавшие его большевики “совершили” революцию, все же еще ближе к правде утверждение, что они сами были результатом “совершившейся” революции. Я лично убежден, что существовало движение, которое нельзя было уже ничем и никак остановить и которое вынесло в первые ряды Ленина и его соратников. Я не хочу умалять значения нескольких десятилетий подготовительной работы русских революционеров, но я утверждаю, что главной причиной победы большевиков в октябре было то, что за них был народ»¹⁷.

«Что произошло в 1917 году? — восклицал такой открытый враг большевиков, как И. Бунин. — Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Неизбежна ли была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все недостатки, Россия росла, цвела, со сказочной быстротой развивалась и изменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежной, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши и Литвы? Или там не было барина, не было недостатка в земле и вообще всякого неравенства? И по какой причине участвовала в революции Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе, и взамен синайских скрижалей, взамен Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов в Россию пришло нечто новое и дьявольское»¹⁸.

Иного мнения придерживался русский религиозный философ Н. Бердяев. «Очень важно помнить, — писал он в книге “Истоки и смысл русского коммунизма”, — что русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья, несчастья разлагающейся войны — она не от творческого избытка родилась. Впрочем, революция всегда предполагает несчастье, всегда предполагает сгущение тьмы прошлого. В этом ее роковой характер. Новое либерально-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru